

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ КОНФЛИКТА В СИСТЕМЕ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Б. В. Кабылинский

Финансовая Академия Республики Казахстан, Нур-Султан, Казахстан

e-mail: vice-rectoric@fin-academy.kz

Аннотация. В системе высшего философского образования конфликтная тематика преимущественно наделена акцидентальным статусом и не получает детальной проработки. Во многом это вызвано методологическим несовершенством системы знания о феномене конфликта. Соответственно, методики преподавания конфликтной теории в философском ракурсе выстраиваются на теоретическом фундаменте, заимствованном из смежных отраслей знания. В данной связи приходится констатировать, что текущее положение дел является неудовлетворительным и нуждается в оптимизации и корректировке.

В статье формулируется основной методологический принцип современной эпистемологии конфликта и основные элементы профильной структуры философского знания.

Цель статьи – рассмотреть сценарии использования эпистемологического потенциала теории конфликта для оптимизации системы высшего философского образования.

В соответствии с логикой построения статьи, эпистемология конфликта должна исходить из принципа телесной интеграции субъекта в окружающий его мир. Понимание того, что мое тело принадлежит мне и может быть рассмотрено в целом и по частям, наводит на мысль о том, что восприятие окружающего мира подчиняется тем же законам. При этом познающий субъект захватывает собственное тело под определенным углом зрения, в частности, нос всегда перед глазами, а спина скрыта от взгляда. Несмотря на такое положение тела в пространстве, сознание усваивает, что тело всегда мое, хотя и не может быть охвачено полностью, даже с помощью таких приспособлений, как зеркало или фотоаппарат. Соответственно, окружающий мир также можно постигать по аналогии с телом, пусть многое всегда находится за пределами *Ego cogito*. Необходимо четко осознавать, что в XXI веке тело человека обретает новое место в культурных и социальных процессах.

С учетом вышесказанного, термин «эпистема» следует включить в структуру знания теории конфликта в качестве одной из фундаментальных категорий, которые могут быть положены в основу системы высшего философского образования по данному профилю.

Ключевые слова: эпистема, конфликт, образование, эпистемологическая программа, постсовременность.

Для цитирования: Кабылинский Б. В. Эпистемология конфликта в системе философского знания // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 5. – С. 134–139. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-134.

EPISTEMOLOGY OF CONFLICT IN THE SYSTEM OF PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE

B. V. Kabylnskii

Financial Academy of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Kazakhstan

email: vice-rectoric@fin-academy.kz

Abstract. In the system of higher philosophical education, conflict topics are mainly endowed with an accidental status and do not receive detailed study. This is largely due to the methodological imperfections of the knowledge system about the phenomenon of conflict. Accordingly, the methods of teaching conflict theory from a philosophical perspective are built on a theoretical foundation borrowed from related branches of knowledge. In this regard, it must be noted that the current state of affairs is unsatisfactory and needs to be optimized and corrected.

The article formulates the main methodological principle of the modern epistemology of conflict and the main elements of the profile structure of philosophical knowledge.

The purpose of the author of the article is to consider scenarios for using the epistemological potential of conflict theory to optimize the system of higher philosophical education.

In accordance with the logic of the article, the epistemology of conflict should proceed from the principle of bodily integration of the subject into the world around him. Understanding that my body belongs to me and can

be considered in whole and in parts suggests that the perception of the world around me is subject to the same laws. At the same time, the knowing subject captures his own body at a certain angle of view, in particular, the nose is always in front of the eyes, and the back is hidden from view. Despite this position of the body in space, consciousness assimilates that my body is always mine, although it cannot be completely embraced, even with the help of devices such as a mirror or a camera. Accordingly, the surrounding world can also be comprehended by analogy with the body, let much always be outside Ego cogito. It must be clearly understood that in the twenty-first century the human body is gaining a new place in cultural and social processes.

In view of the above, the term «episteme» should be included in the structure of knowledge of the theory of conflict as one of the fundamental categories that can form the basis of the system of higher philosophical education in this profile.

Key words: *episteme, conflict, education, epistemological program, postmodern.*

Cite as: Kabylin, B. V. (2020) [Epistemology of conflict in the system of philosophical knowledge]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 134–139. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-5-134.

Введение

Система высшего философского образования в вопросах преподавания конфликтной теории преимущественно основывается на математически выверенных предпосылках из области физики и других точных наук [2]. По этому принципу зарождались социология, психология и политическая наука, на стыке которых возникла философия конфликта. Вполне логично, что происхождение философии конфликта во многом предопределило тот факт, что эпистемологическая структура современных воззрений на феномен конфликта характеризуется тяготением к заимствованию инструментария естественно-научных дисциплин. Производная картина мира-в-конфликте в классической образовательной традиции конструируется в строгом соответствии с правилами и принципами структурно-функционального подхода, то есть конфликт предстает в качестве аномалии процесса исторического развития, подлежащей рациональному прогнозированию и поэтапному устранению в ходе эмпирического опыта или мысленного эксперимента. С эпистемологической точки зрения, методики преподавания конфликта испытывают недостаток плюрализма и автономии собственного категориально-понятийного аппарата [15]. Безусловно, злоупотребление точной механистической методологией приводит к исчезновению антропологической природы субъекта из поля зрения исследователя или подменяется его механистической интерпретацией. Для качественного обновления методики преподавания философии конфликта исключительно важно обрести эпистемологический ориентир, указывающий на реального, экзистующего, субъекта, а не иметь дело с абстракцией или механистическим дубликатом техногенной природы. Штампы и клише, упрощающие познание природы конфликта за счет его деантропологизации, необходимо превзойти в рамках новой философской методологии преподавания конфликта. Для решения этой задачи и выявления роли и места эпистемологии конфликта следует определить принципы, которые, будучи положен-

ными в ее основу, позволяют модифицировать существующие педагогические наработки и вернуться в ходе преподавания философии конфликта к методологии гуманитарного знания и ее антропологическому предмету исследования.

Методологический аппарат исследования

Итак, основной методологический принцип современной эпистемологии конфликта необходимо определить так, чтобы знание об этом феномене было неразрывно связано с активностью субъекта, аккумулирующего и транслирующего информацию в пространстве и времени в рамках отдельно взятой культурной вариации. Иными словами, необходимо произвести антропологический разворот и закрепить за индивидом право соприсутствия на правах homo cogito по отношению к конфликтной ситуации. В этом случае субъект конфликта не только творит конфликтный дискурс, но и надзирает за ним с позиции стороннего наблюдателя, призванного обеспечить формирование нового знания о причинах, формах и последствиях конфликтной борьбы [4]. Разумеется, деятельность субъекта неотделима от конкретных культурных реалий, претерпевающих изменения в ходе столкновения противоборствующих сторон. Антропологический разворот в теории конфликта означает признание сопричастности субъекта по отношению к его собственному полю деятельности. Важно подчеркнуть, что homo cogito обретает себя в мире посредством конфликта и, познавая его, уясняет собственное предназначение и место в мире. Субъект конфликта в ходе познания окружающего мира и самого себя переходит на качественно более высокие уровни бытия, открывая доступ к созиданию новых форм культуры. Безусловно, не следует стремиться к фиксации культуры в качестве объекта познания, выделяя отдельные элементы и акцентируя на них избыточное внимание. Субъект конфликта должен выступать по отношению к культуре носителем базовых ценностей, достаточных для внутренней мобилизации на борьбу с Другим, но при этом культура оказывает-

ся также своеобразным объектом для созерцания со стороны Я в положении зависимости от взгляда наблюдающего [13]. В модели взаимоотношений «субъект конфликта – культурный генезис» предполагаются единство и целостность мира культурных объектов, а не их разобщенность, что вполне оправданно, так как преодолевается извечное затруднение, связанное с выведением субъекта конфликта за скобки по отношению к культуре и наделением его пассивным статусом, преодолению зависимости от сложившихся культурных традиций, хотя и с сохранением возможности стороннего наблюдения участника конфликта за сопутствующими культурными трансформациями.

Результаты исследования

Эпистемология конфликта должна исходить из принципа телесной интеграции субъекта в окружающий его мир. Понимание того, что мое тело принадлежит мне и может быть рассмотрено в целом и по частям, наводит на мысль о том, что восприятие окружающего мира подчиняется тем же законам [11]. При этом познающий субъект захватывает собственное тело под определенным углом зрения, в частности, нос всегда перед глазами, а спина скрыта от взгляда [10]. Несмотря на такое положение тела в пространстве, сознание усваивает, что тело всегда мое, хотя и не может быть охвачено полностью, даже с помощью таких приспособлений, как зеркало или фотоаппарат. Соответственно, окружающий мир также можно постигать по аналогии с телом, пусть многое всегда находится за пределами *Ego cogito*. Необходимо четко осознавать, что в XXI веке тело человека обретает новое место в культурных и социальных процессах [8]. Разумеется, тело по-прежнему мое и не может перестать быть таковым, по крайней мере, в рамках отдельно взятой конечной формы персонализированного существования. Вместе с тем, открываются возможности для разделения и воспроизводства собственного тела в пределах своей жизни и за ее временными границами. Трансплантации органов, сохранение генетического материала, нанотехнологии и другие ноу-хау провоцируют возникновение неожиданных и ранее неизведанных для эпистемологии затруднений, например, вопроса о том, что есть мое тело после частичной трансплантации одного из моих органов другому человеку. Неудивительно, что донорство преимущественно осуществляется анонимно, поскольку проекция умершего родственника на здравствующего обладателя его костного мозга порождает конфликтные ситуации, немыслимые в индустриальную эпоху всего каких-то сто лет назад. В случае с донорством конфликтность актуализируется по смысловой оси категории различия, то есть фиксации в двух означаемых того взаимоисключающего, которое позволяют означаемому

дифференцировать явления или вещи. Разумеется, тело всегда выступало гарантом способности к различению индивидов по принципу дихотомии «мое тело и тело другого», но трансплантология стирает эти границы, что означает новые вызовы для эпистемологии конфликта, прежде всего, в вопросах разрешения споров за право собственности. Болезненность ситуаций, возникающих в сфере дискуссий о суррогатном материнстве, указывает на запредельный масштаб обострения противоречий, если конфликт будет вскоре вестись по поводу того, кому принадлежит тело – Я или Другому [14].

Термин «эпистема» следует включить в структуру знания теории конфликта в качестве одной из фундаментальных категорий, которые могут быть положены в основу системы высшего философского образования по данному профилю. Безусловно, темпы развития современной науки поражают воображение, поэтому идеи М. Фуко уже следует расценивать как классическую теорию, а не как инновационный подход в области теории познания. Тем не менее, в отечественной теории конфликта идеи Фуко практически не получают дальнейшей проработки, что вынуждает создавать именно на их основе недостающий на сегодняшний день теоретико-методологический фундамент и сокращать дистанцию отставания от зарубежных исследователей в этой области.

По мысли Фуко, понятие «эпистема» вмещает весь объем исторических данных, определяющих порядок формирования убеждений и гипотез, в том числе и научных, в каждый период культурной эволюции человеческого рода [1]. Имплементация эпистемологического подхода Фуко в категориально-понятийный аппарат педагогической философской системы может обеспечить уход от тенденции к анализу этого феномена без уяснения сущности возникновения конфликтного соприсутствия. Разумеется, здесь не идет речи о причинах распрей и споров, так как этому вопросу уделяется в теории конфликта достаточное внимание. Идея в том, что разное отношение слов и вещей в каждой эпистеме указывает на методические возможности разграничения конфликтов в исторической эпохе по эссенциальным характеристикам. Иными словами, в рамках современной теории конфликта невозможно убедительно продемонстрировать, в чем состоит фундаментальное различие Пелопоннесской войны и наполеоновских войн, поскольку цели, мотивации и претензии участников вооруженных столкновений не изменяются кардинальным образом на протяжении истории, в то время как совершенствование военного арсенала по-прежнему происходит по принципу «изобретено новое копье – создается щит повышенной прочности». Наоборот, термин «эпистема» преподносит события в ином ракурсе: если соотношение слов и вещей не выходит за

рамки схемы «слово – образ», привычной для эпохи Ренессанса, то слова и вещи уже опосредуются языком и упорядочиваются в виде сложных систем комбинации знаков в новейшей истории. Соответственно, удушение солдат ядовитыми газами в Первую мировую войну или ядерная бомбардировка мирного населения Хиросимы – это не просто негуманный акт или эволюция наступательного потенциала, но трансформация мышления, научившегося рассчитывать риски, учитывать вероятности и прогнозировать их на уровне, недоступном в эллинистическую или Средневековую эпоху [3]. Итак, научные достижения химии и физики в области вооружений и реальная готовность человечества этими преимуществами пользоваться – события одного порядка, а не параллельные и независимые процессы, поскольку новые, табличные принципы систематизации знания неизбежно находят свое отражение в антропологическом облике современников этих инноваций.

Внедрение термина «эпистема» в теорию конфликта означает возможность философского постижения конфликтного бытия в пространстве и времени. Очевидно, что в эпоху Ренессанса конфликты актуализировались в пространстве, предполагавшем четкое различие многообразных проявлений бытия, но в XX веке наступило время, определившее вещи сообразно историческому контексту [5]. Соответственно, если трансформируется принцип упорядочения культурных и социальных реалий, то и сопутствующие конфликты, системные или внесистемные, подчиняются тем же самым законам. Следует отметить, что доминирование установки историзма познать себя во времени провоцирует человека на новый экзистенциальный конфликт – прикладывая все новые усилия в стремлении к бессмертию в любых формах, благо телесная конечность удачно нивелируется достижениями цифрового века в постиндустриальном дискурсе [6].

В качестве важнейшего методологического принципа в эпистемологии конфликта, в том числе в философской педагогике, должен использоваться термин «репрезентация», то есть предусмотренные в конкретных культурных вариациях способы узнавания происходящего в окружающих субъекта конфликта символах и знаках. Принципиально важно отметить, что репрезентация в мире конфликтующего субъекта может существовать только при условии собственного многообразия, то есть бесчисленного количества способов поместить перед познающим конфликт субъектом варианты эффективного воздействия на соперника. В этом плане взаимосвязь конфликтного бытия в своем соотношении с представлением Я о сущности и форме столкновения с Другим четко обусловлена культурными реалиями в эпоху Ренессанса, но утрачивает целостность в Новое Время, когда условиями понимания проис-

ходящего в мире становятся не вещи, а возникающие вокруг них отношения и даже, в случае с аналитикой власти, так называемое «отношение отношения». Поэтому методология исследования конфликта, к которой прибегает высшее философское образование, должна отказаться от уверенности в том, что традиционные догмы могут считаться таковыми в современных культурных условиях и, следовательно, должны уступить место релятивистской познавательной установке. Исследователь конфликта в глобальном мире вынужден капитулировать в условиях постоянно меняющихся позиций и интересов сторон конфликтной борьбы и прятаться от них за догматическим барьером классической науки либо соглашаться с тем, что знание о конфликте и способах его разрешения ситуативно, спонтанно и ненадежно, но в этом и состоит его принципиальная ценность с точки зрения антропологического научного подхода. Идеи гносеологического анархизма гораздо полезнее для практикующего специалиста в области предупреждения конфликтов, чем догматическая убежденность в том, что необходимо осуществить заранее регламентированную процедуру снятия конфликтного противоречия. Итак, релятивистская установка позволяет выстроить систему знания о конфликте, учитывающую практически бесконечную вариативность форм и способов противоборства субъектов в стремлении к овладению предметом их обоюдного вождения. В пользу релятивизма убедительно свидетельствует тот факт, что исследование конфликта с научной точки зрения существенно осложняется исключительно высокой склонностью конфликтующих субъектов руководствоваться неразумностью и реализовывать себя в соответствии с установкой на вседозволенность. Такое положение дел затрудняет поиск универсальных моделей поведения в конфликте ввиду неспособности эффективно применить методологию научного познания в иррациональных реалиях [7]. Фактически любая методика разрешения конфликта работает только с момента введения в действие правил игры, снятия эмоционального накала, сотрудничества сторон и четкого выполнения инструкций посредников, привлекаемых со стороны. Догматика в сфере разрешения споров основывается на четком убеждении теоретиков конфликта относительно невозможности управлять противоборством Я и Другого до тех пор, пока они выражают себя в спонтанной, иррациональной форме. В данной связи обращает на себя внимание перспективность заимствования наработок из области гносеологического анархизма с целью расширения теоретической базы профильных исследований в этой области. Согласно принципу Фейерабенда о том, что истинное в теории оказывается справедливым и на практике, попытка выработать методологические предпосылки для работы с конфликтом в его природной, стихийной форме

выглядит оправданной и перспективной [9]. Гуманность и прогрессивность анархистской установки в отношении науки следует проверить на примере из практического конфликторазрешения. Несомненно, специалист, который станет первооткрывателем в области управления иррациональными мотивациями в конфликте, совершит революцию, сопоставимую по масштабам с коперниковским переворотом в астрономии [12]. Тот факт, что на сегодняшний день в конфликт-менеджменте доминирует диаметрально противоположная установка, отнюдь не означает, что альтернативная модель не будет иметь шанса занять господствующее положение в процессе становления философского знания.

Заключение

Предложенные эпистемологические тезисы могут послужить основой для улучшения и корректировки методики преподавания теории конфликта в системе высшего философского образования. Стоит отметить, что роль эпистемологии конфликта имеет безусловную важность в сфере философской педагогики и провоцирует отечественных и зарубежных ученых на разработку собственных эффективных методик преподавания философии. При этом, место эпистемологического инструментария в философской педагогике находится в точке соединения старых и новых подходов в единой системе знания о конфликте.

Литература

1. Балданов С. В. Мысленный эксперимент: Эпистемологический статус? // Вестник Бурятского государственного университета. – 2017. – Вып. 2. – С. 97–105.
2. Андреев А. Л. Лицом к лицу с современным миром // Социологические исследования. – 2019. – № 2. – С. 3–8.
3. Касавин И. Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. – М.: Весь мир, 2016. – 262 с.
4. Кузин И. В. Сопротивление тела: перспективы преодоления // Человек. – 2014. – № 6. – С. 86–99.
5. Микешина Л. А. Эпистемология ценностей. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. – 439 с.
6. Платонова С. И. Эпистемологические особенности современного социально-гуманитарного знания // Контекст и рефлексия: Философия мира и человека. – 2017. – № 6. – С. 131–142.
7. Попова О. В. Человек, его цена и ценность: к проблеме коммодификации тела в научном познании // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Том XLIX. – С. 140–157.
8. Сапожникова Л. М. Эволюция идеи темпоральности – от круговорота Античности к линии Средневековья. // Вестник Московского государственного университета. – Серия 19. – № 1. – 2016. – С. 137–142.
9. Сокулер З. А. Историческая эпистемология и судьба философской теории познания // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Том LII. – С. 29–34.
10. Фуко М. Археология знания / пер. с франц. С. Митина, Д. Стасова. – К.: Ника-центр, 1996. – С. 195–203.
11. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке. – М.: АСТ, 2006. – С. 97.
12. Шашлова Е. И. О значении исторической эпистемологии для современной философии науки // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Том LI. – С. 42–47.
13. Юдин Б. Г. Технонаука и «улучшение» человека // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Том XLVIII. – С. 6–18.
14. Castels M. The Network Society: From Knowledge to Policy. – Washington, DC: Center for Transatlantic Relations, 2006. – P. 12.
15. Popper Karl A. Evolutionary Epistemology // Evolutionary Theory: Paths into the Future / Ed. by J. W. Pollard. – John Wiley & Sons. Chichester and New York, 1984. – P. 239.

References

1. Baldanov, S. V. (2017) [Thought experiment: Epistemological status?]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. Issue 2, pp. 97–105. (In Russ.).
2. Andreev, A. L. (2019) [Face to face with the modern world]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies]. Vol. 2, pp. 3–8. (In Russ.).
3. Kasavin, I. T. (2016) *Sotsial'naya filosofiya nauki i kollektivnaya epistemologiya* [Social philosophy of science and collective epistemology]. Moscow: All world, 262 p.
4. Kuzin, I. V. (2014) [Body resistance: perspectives of overcoming]. *Chelovek* [Man]. Vol. 6, pp. 86–99. (In Russ.).
5. Mikeshina, L. A. (2007) *Epistemologiya tsennostey* [Epistemology of values]. Moscow: Russian political encyclopedia, 439 p.

6. Platonova, S. I. (2017) [Epistemological features of modern social and humanitarian knowledge]. *Kontekst i refleksiya: Filosofiya mira i cheloveka* [Context and reflection: Philosophy of the world and man]. Vol. 6, pp. 131–142. (In Russ.).
7. Popova, O. V. (2016) [Man, his price and value: to the problem of the commodification of the body in scientific knowledge]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. Vol. XLIX, pp. 140–157. (In Russ.).
8. Sapozhnikova, L. M. (2016) [Evolution of the idea of temporality – from the cycle of Antiquity to the line of the Middle Ages]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Moscow State University]. Series 19. No. 1, pp. 137–142. (In Russ.).
9. Sokuler, Z. A. (2017) [Historical epistemology and the fate of the philosophical theory of knowledge]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. Vol. LII, pp. 29–34. (In Russ.).
10. Foucault, M. (1996) *Arkheologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. Trans. from French S. Mitin, D. Stasova. Kiev: Nika-center, pp. 195–203. (In Russ.).
11. Fukuyama, F. (2006) *Sil'noye gosudarstvo: upravleniye i mirovoy poryadok v XXI veke* [Strong state: governance and world order in the XXI century]. Moscow: AST, 97 p.
12. Shashlova, E. I. (2017) [On the meaning of historical epistemology for modern philosophy of science]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. Vol. LI, pp. 42–47. (In Russ.).
13. Yudin, B. G. (2016) [Technoscience and “improvement” of man]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. Vol. XLVIII, pp. 6–18. (In Russ.).
14. Castels, M. (2006) *The Network Society: From Knowledge to Policy*. Washington, DC: *Center for Transatlantic Relations*, 12 p.
15. Popper, Karl A. (1984) *Evolutionary Epistemology. Evolutionary Theory: Paths into the Future*. Ed. by J. W. Pollard. *John Wiley & Sons*. Chichester and New York, 239 p.

Информация об авторе:

Борис Васильевич Кабылинский, кандидат философских наук, профессор, проректор по научной работе, Финансовая Академия Республики Казахстан, Нур-Султан, Казахстан
e-mail: vice-rectoric@fin-academy.kz

Статья поступила в редакцию: 06.07.2020; принята в печать: 01.09.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Boris Vasilievich Kabylnskii, PhD in Philosophy, Professor, Vice Rector for the research, the Financial Academy of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Kazakhstan
e-mail: vice-rectoric@fin-academy.kz

The paper was submitted: 06.07.2020

Accepted for publication: 01.09.2020.

The author has read and approved the final manuscript.